

Сигизмунд Натанович Валк

(1887—1975)

(Н е к р о л о г)

5 февраля 1975 г. умер Сигизмунд Натанович Валк. Умер человек, бывший учителем десятков поколений гуманитаров, — не только своих непосредственных учеников, но и множества историков и филологов, искавших его совета и помощи. Несравненная эрудиция во всех вопросах источниковедения, археографии, библиографии, текстологии, феноменальная память, не ослабевавшая с годами, сочетались в Сигизмунде Натановиче с радостной готовностью помочь всем, кто к нему обращался. Сколько раз каждый из нас, встречая его на улице или в библиотеке, всегда спешащего, даже на девятом десятке не обретшего старческой медлительности и дряхлости, испытывал особое чувство радости от того, что этот удивительный человек и ученый жив, бодр и продолжает трудиться.

Сигизмунд Натанович Валк родился в 1887 г. Он принадлежал к той блестящей школе Петербургского университета, питомцы которой занимали важнейшее место в нашей науке вплоть до 40-х годов. Это — И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, А. Е. Пресняков, ~~Е. В. Тарле~~ М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, Б. А. Романов, Н. Ф. Лавров, С. Н. Чернов и др. Постепенно все они уходили, и Сигизмунд Натанович оставался последним достойным представителем этой плеяды.

Учителем С. Н. Валка в Университете был А. С. Лаппо-Данилевский — выдающийся источниковед, стремившийся сделать критику источника строго научной теоретической дисциплиной. От него Сигизмунд Натанович воспринял интерес к памятникам Древней Руси. После революции С. Н. Валк, как и многие другие молодые историки, обратился к впервые открытым для науки архивам полиции и охранного отделения и стал одним из крупнейших специалистов по истории русского освободительного движения. Но занятия такими разнообразными сюжетами, как Русская Правда и актовые материалы Древней Руси, историография XVIII в., документальные и мемуарные источники конца XIX—начала XX в., не означали какого-либо разрыва в научных интересах Сигизмунда Натановича. Напротив, разнообразие источниковедческих тем, привлекавших ученого, породило его важнейшие труды — «Советскую археографию» (1948 г.), «Правила издания исторических документов» (1955 г.), ряд теоретических исследований по археографии, истории источниковедения, превосходные издания грамот Новгорода и Пскова, сочинений В. Н. Татищева и т. д.¹

С. Н. Валком была впервые высказана мысль об огромной роли, которую сыграла в судьбе советской историко-филологической науки централизация архивов после революции. О глубине историографической мысли

¹ Список печатных работ С. Н. Валка до 1963 г. см.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1954, с. 504—513; до 1972 г.: Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 291—292.

С. Н. Валка свидетельствуют и его совершенно своеобразные по форме статьи-монографии о Б. А. Романове и И. И. Смирнове, предваряющие сборники, посвященные памяти этих двух историков. Это — не некрологи, а именно историографические очерки о двух коллегах С. Н. Валка: Б. А. Романове, ровеснике С. Н., и И. И. Смирнове, историке более молодого поколения, выросшем в послереволюционную эпоху и чрезвычайно ярко отразившем ее характерные черты.

Исследователи древнерусской литературы многим обязаны С. Н. Валку. Его широчайший научный кругозор позволял ему и в этой области заметить многое, ускользающее от внимания узких специалистов. Очень характерно в этом отношении выступление С. Н. Валка на докторском диспуте Д. С. Лихачева (1947 г.). Специфическая тема диссертации, посвященной летописанию, вызвала традиционные и довольно бесплодные споры о том, какой науке она принадлежит — филологии или истории. Совершенно неожиданно ответил на этот вопрос С. Н. Валк: он указал, что для историка особенно плодотворен именно литературоведческий подход Д. С. Лихачева к летописи, — он выделяет то, что в летописном рассказе принадлежит собственно литературе (фольклорные сюжетные мотивы, этикетные ситуации) и, следовательно, не может рассматриваться как «чистая» историческая информация. Выступал С. Н. Валк и на докторском диспуте В. И. Малышева. Несколько его статей, весьма важных для исследователей древнерусской литературы, опубликовано в наших «Трудах» (ТОДРЛ, тт. XIV, XXIV).

Говоря о Сигизмунде Натановиче как человеке, нельзя не упомянуть об одной его черте. Скромность — важное достоинство ученого, и о ней часто говорят в некрологах. Но Сигизмунд Натанович был не просто скромным, он был органически не способен на всякое демонстрирование своей личности и подчеркивание собственного «я». «Он был из тех не часто встречающихся людей, о которых можно сказать, что они не придают значения факту собственного существования», — эти слова, сказанные об одном замечательном писателе, удивительно точно характеризуют и С. Н. Валка. Достаточно вспомнить его юбилей, на который он был буквально приведен насильно и обрел душевное равновесие лишь тогда, когда ему подарили старинную литовскую грамоту, — и он немедленно углубился в ее изучение. «Сигизмунд Натанович, нельзя же считать себя математической точкой!» — патетически восклицал Б. А. Романов, чей блестящий юбилей отмечался почти тогда же. Вспоминается также шахматовская сессия в Пушкинском Доме. В одном из докладов, прочитанных на сессии, упоминалось, что в числе исключенных за революционную деятельность студентов, восстановления которых добивался А. А. Шахматов, был и Сигизмунд Валк. «Профессор Валк присутствует на этой сессии и, конечно, не откажется поделиться своими воспоминаниями», — радостно провозгласил председатель. В ответ из рядов послышалась неразборчивая речь С. Н., из которой можно было понять, что о себе он рассказывать не будет.

Но удивительная скромность Сигизмунда Натановича вовсе не означала бесстрастности, олимпийского спокойствия. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует его последняя работа, напечатанная в настоящем томе. В борьбе за любимую науку против демагогии и того, что он именовал несколько странным словом «халтура», С. Н. Валк мог быть и гневен, и саркастичен, и беспощаден. И в этом также сказывалась неповторимая личность Сигизмунда Натановича, его безупречная научная честность и беззаветная преданность делу — черты, которые навсегда останутся в памяти всех, кто его знал.

Я. С. Лурье